

МАРК ФАЙНБЕРШТЕЙН

Мой Белый Кит

Марк Файнберштейн

Мой Белый Кит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30805081

ISBN 9785449060969

Аннотация

Рассказ из дневника эмигранта, живущего в Израиле много лет. За десять лет он сменил десяток работ, один раз даже оказался в шаге от мечты. Но на этой земле и на этом море действуют свои законы.

Мой Белый Кит

Марк Файнберштейн

© Марк Файнберштейн, 2018

ISBN 978-5-4490-6096-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Мне очень стыдно, что я не читал «Моби Дик» в детстве. Остаётся утешать себя пошлой поговоркой «всему своё время». Единственное, что мне попало из Германа Мэлвилла, это «Белый бушлат», да и то в ранней юности. Текст был скучным, без пиратов, без серьёзных морских сражений, чем-то похож на Станюковича, только гораздо жёстче. Но в те времена я почему-то дочитывал все книги до конца. Это были дикие картины службы в американском военном флоте 19 века, настоящий ад. Сегодня я бы увидел во всём этом песнь отщепенцу, поэму одиночества, когда только потому, что твой бушлат белого цвета, тебя принимают во тьме за призрака и пытаются убить, будто, если бы ты был действительно призрак, это было бы возможно. Ты идёшь жаловаться командиру, а он говорит: «Ничем не могу вам помочь. Можете идти, сэр». Больше всего мне запомнились издевательства офицеров, они не забывали добавлять

к самой унижающей реплике, обращение «сэр». И чем сильнее измывались, тем чаще добавляли. Это совершенно выводило меня из себя. Ох уж эти американцы. В погоне за всеобщим равенством они распространили английский изыск на всё. Вот в Англии – сэр это сэр. Сэр рыцарь. А в США любой галюнный матрос – тоже сэр. Наверное, эти вещи учили меня цинизму. А книжка эта принадлежала тётке Зине – двоюродной сестре моей бабушки. Она до сих пор в Бостоне живёт. Но тогда она жила в Уфе, и её книги нужно было читать очень аккуратно, потому что у некоторых людей книги составляют предмет мебели и берегли их не хуже лакового покрытия на сервантах. Порвать или испачкать страницу было моментальной травмой для психики. Люди в приличных странах с подобными переживаниями платят большие деньги психологам. Но, кажется, я вернул ей тогда томик Мелвилла в полном порядке. Непорядок начался когда скончался её почтенный супруг Д., начальник цеха Агрегатного завода. После него осталась куча самых невообразимых вещей – от мешка песочных часов и лабораторных хронометров до совсем уже неизвестных мне, да и, возможно, неведомых самим производителям точных приборов. Времена были такие, как говорил наш участковый. Когда тётя Зина показала мне всё это, я стоял с открытым ртом, но думал не о тленности бытия. Меня попросили продать эту долю наследства за определённый процент, но, как назло, именно тогда я связался с плохой компанией, находился в само-

забвенном поиске удовольствий, и бедной старушке ничего не досталось. Она обиделась и уехала в Америку вслед за сыном, который вскоре сказочно разбогател. Её внуки отучились в лучших университетах США и естественно, мы оказались по разные стороны экономической и социальной пропасти. Она даже не звонила больше моей бабушке, как будто это она проторчала напильники, а не я. Да говорят, что в Бостоне все такие. А меня всё же до сих пор мучает совесть.

Так получилось, что с Белым китом вышеупомянутого автора я познакомился в 38 лет, уже в Израиле, работая в порту города Герцлии на мойке яхт. Это была самая близкая к морю работа, которую я нашёл. Читать приходится, когда совсем нет времени. То есть, по дороге с работы, на остановках, в очередях. А если время есть, то читать не получается вообще. Логика уничтожена реальностью.

«Моби Дик» втянул меня в новый мир, медленно, но сильно. Вначале мне не нравилась громоздкость текста, я сравнивал его с Эдгаром По, но автор вскоре очаровал меня, уже и не припомню – чем именно. Приезжаю на работу, вижу кислые лица украинских беженцев, сражаюсь с флюидами транслируемой ими безысходности, но всё равно тону в их беде. Эти люди попали в прицел судьбы так прочно, что даже если сбегут за семь морей от эпицентра, всё равно сохранят печать ужаса. Горе обволакивает их просто физически, да они сами и есть горе, часто неосознанное и оттого ещё более нелепое. Когда я рядом с ними, вокруг нас туман че-

ловеческого и слишком человеческого, в тумане этом недостатки кажутся ярче и сильнее, душа моя мечется, ищет спасения везде, на каждом шагу. Море, небо, птицы, ветер, волны, стайки рыб, яхты, бухты швартовых канатов – всё это становится моим пристанищем, я бросаю якорь своих мыслей и чувств при малейшей возможности. Напарник, которого сначала я считал неплохим парнем, становится тяжёлым балластом моего пьяного духа романтики, и я с нетерпением жду обеда.

Получив свой хумус, хлеб и огурцы, я сажусь на край пирса, прямо напротив волнолома и свешиваю ноги в море. Между мной и огромной насыпью камней остаётся проход, всего с полкабельтова, по которому яхты выходят в море. Мне повезло, что я ем кошерную еду – так между мной и другими рабочими хотя бы на полчаса образуется дистанция. Но я совсем не молчалив, когда они рядом, скорее – наоборот, мы болтаем обо всём подряд, я очень легко поддаюсь на провокации, особенно на темы религии. Они задают вопросы, но мне не нужно ничего отвечать им, потому что ответы не интересуют их. Это просто очень чужие люди, а я стараюсь не замечать завуалированные насмешки и отвечаю совершенно серьёзно в глупой надежде, что в один прекрасный миг они воскликнут: «Велик Всевышний!». Но нет ничего более смешного, чем ожидать этого от рабочих. Как же невероятно изменился мир. Ещё вчера мы работали у них, жили у них, смотрели на них. Теперь они работают у нас,

просят поселиться у нас, смотрят на нас. Наверное, это где-то приводит их в шок, противоречит генетической памяти тысячелетий. Поэтому я всё больше стараюсь говорить только о работе. Вот парень бросает в море дынную корку, меня всего переворачивает, я молчу, но видеть и слышать этого человека уже не могу. Пытаюсь оправдывать: мол, это форма протеста, он в чужой стране, не знает язык, вообще очень несчастный человек. Он еврей, кажется. Но это совсем меня не утешает, наоборот, только усиливает неприязнь. Он очень любит девяностые годы, когда он ездил на «бэхе» и у него был какой-то там офис. Меня такие вещи просто приводят в полный ступор, я не знаю, о чём можно говорить с человеком. Его отец отдал в армию в 1988 году, и этим многое сказано. В СССР, в разгар Перестройки, если еврейский папа намеренно и радостно отдаёт сына в армию, то нужно проверять, а не опасен ли он для окружающих. Притом обоим – и отца и сына. Если бы он был украинец, армия не нанесла бы ему такие суровые удары, думается мне. А поиздевались над ним, как он рассказал – даже мне страшно стало. Страшнее, чем было в уфимской тюрьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.